

ГОФМАН

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гофман.

Михаэлина, его жена.

Юлия, его ученица.

Мур, его кот.

Шпейер, его доктор.

Девочка, его соседка.

Персонажи из фантазий Гофмана.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В ДОМЕ ГОФМАНА

Гофман. Вы?! Юлия... В этот час!

Юлия. Я боялась заблудиться... Туман на улице... Ни домов. Ни людей.

Гофман. Тише. Тише...

Юлия. Нет, нет, я должна была прийти еще утром, еще вчера, два дня назад, десять дней назад...

Гофман. Вы пришли.

Юлия. Да, если не сейчас, то никогда. Я вдруг поняла — никогда.

Гофман. Да, да... молчите!.. Слышите?

Юлия (*прислушивается к звукам на улице*). Слышу. Нам надо поговорить.

Гофман. Надо?

Юлия. Да, надо.

Пауза.

Вы что-то сказали?.. Почему вы молчите? (*Устремляется к выходу и видит Михаэлину*)

Михаэлина. Юлия? Что случилось?

Юлия. Ничего, фрау Гофман.

Театр Гофмана. «Юлия и Михаэлина»

В ДОМЕ ГОФМАНА

Михаэлина. Ей нужно поговорить с тобой.

Гофман. Весь день преследует какое-то предчувствие, которое выбивает меня из всяких границ приличия.

Михаэлина. Успокойся. Из тебя никак не выйдет твоя болезнь.

Гофман. Вы обе даже не представляете, как нужны человеку болезни! Не будь их у меня, я бы думал, что уже стал таким, каким следовало бы мне быть. Здоровье беспрестанно подталкивает человека на какие-то прыжки, ужимки, вывихи. Заставляет делать тысячи глупостей. Здоровый человек — это так скучно.

Михаэлина. Она ждет.

Гофман. Я боюсь сейчас только одного, что что-то, даже свет свечей, может спугнуть сегодняшний вечер, который завлек меня в волшебный сад... туманный сад...

Театр Гофмана. «Гофман и Юлия»

В ДОМЕ ГОФМАНА

Неожиданно раздается резкий с долгим и странным отзвуком звук.

Михаэлина. Это свечные ножницы! Они упали и порвали струны на твоем клавикорде!

Гофман. Черт возьми!.. Именно сегодня, сейчас. Никогда в жизни я не был так жаден до музыки.

Юлия. Можно поправить?

Михаэлина. Можно.

Гофман. Кто бросил ножницы, чтобы помешать нам сегодня играть на клавикорде? Вы знаете? Птица? Сыч? Парикмахер? Безумный архивариус?.. Я знаю. Пусть думают про меня, что хотят, но я знаю, кто только что бросил там ножницы.

Юлия. Не надо.

Гофман. Вы что, не слышите шагов?

Юлия. Да, кто-то идет!

Гофман. Поднимается по лестнице.

Михаэлина. Да помогите же вы мне в конце концов! Будьте так добры! Возьмите-ка вот это и помогите втащить проклятую корзину на кухню! А там уже сможете узнать, не приберегла ли вам ваша жена несколько хороших затрецин, чтобы поставить на место вашу голову!

Гофман. Я или сейчас сплю, или все это время спал и видел какоето запутанный сон.

Михаэлина. Так встаньте. Возьмите. И по тяжести на спине поймете — сон это или нет. Сразу поймете!

Гофман. Да что там у тебя?!

Михаэлина. Что там? Хочешь знать?

Гофман. Да, хочу.

Михаэлина. Глупый вопрос. Очень глупый. Разве вы не знаете, что я ходила на рынок? Мы ждем гостей.

Гофман. Гостей?! Я же говорю, давно говорю тебе, кто-то поднимается по лестнице.

Входит Доктор.

Михаэлина. Вы, как всегда, пунктуальны, доктор.

Доктор. Все часы, даже самые ленивые, уже давно пробили девять.

Гофман. Я сейчас улетел бы на моем халате, как на плаще Мефистофеля.

Юлия. Я ухожу.

Гофман. Уже? Наверное, у дома с каменными дельфинами вас ждет карета?

Юлия. Я пришла сказать, что ухожу.

Гофман. Вы знаете, таланты помещаются на голове в виде шишек? Их даже можно пощупать. Я надеялся, что от затрецины, которую обещала мне жена, у меня появится маленькая шишечка, а с ней маленький талантник. Но, увы, доктор помешал. Идите, идите учить к нашему следующему уроку мою сонату, Юлия.

Юлия направляется к выходу. Ее провожает Михаэлина. В последний момент перед уходом Юлия отдает Михаэлине конверт, сказав ей что-то.

Доктор (Михаэлине). Он знает?

Михаэлина. Я не говорила.

Доктор (Гофману). Ну что, дружок?

Гофман. Очень приятно видеть вас.

Доктор. У вас прекрасный вид. Не прописать ли уж вам что-нибудь внутрь?

Гофман. Яду.

Доктор. Можно ли ждать на этой неделе что-нибудь интересное в вашем театре?

Гофман. Проклятый оркестр из сапожников. Тупой и бездарный директор. Посмотрите лучше мой палец.

Доктор. Мозоль.

Гофман. Пишу много по ночам.

Доктор. Позвольте пощупать ваш драгоценнейший пульс. Раз, два, три...

Гофман. Сегодня во сне я вдруг превратился в чистый лист аласной бумаги. Изумительно белой. И... о Господи, я забыл, как его зовут, этого... он преизвестный поэт, вы, конечно же, читали! Короче, этот черт держал в руке преддлинное предурно очищенное зубчатое перо индейского петуха и писал прямо по мне свои гадкие стихи и нещадно царапал меня бедного. Кровь лилась ручьями. Но это во сне, конечно. Да... как сновидение, бывает бессвязная только сказка. Хотя ночью мы не знаем, что принесет утро... Что грезилось во сне, может сбыться наяву. Прекрасный замок, что плыл в облаках, может оказаться рядом, совсем рядом на земле. Я очень люблю ночь, но последнее время безумно жду утра...

Доктор. Это что-то значит?

Гофман. Я так думаю, доктор. Доктор, а вы согласны со мной, что сумасшествие заразительно?

Доктор. Один дурак плодит многих?

Гофман. Можно и так.

Доктор. Друг мой, сегодня я вынужден пустить вам кровь.

Гофман. Прошлой зимой, на балу, мне вдруг показалось, что я распался на части. И все окружавшие меня вдруг стали мною. Они так мучили меня, мои двойники.

Доктор. Это просто головокружение.

Гофман. Мне бы сейчас добрый стакан вина, да хорошее церковное пение, но вы... вы... Вы призваны совсем к другому, вам совсем иначе улыбается жизнь, и для вас зажигаются не те свечи...

Доктор. Все-то вы знаете в ваших четырех стенах.

Гофман. Тот, кто раздроблен, доктор, знает главное — тоску по совершенству. (*Убедившись, что Михаэлины нет в комнате.*) Не находите ли вы, что Юлия с каждым днем все хорошеет? А взгляд? Вы замечали ее взгляд? Не могу больше... Или я убью себя как собаку, или сойду с ума... Глаза болят почему-то.

Михаэлина вносит горячий пунш.

А вот и я!

Доктор. Фрау Михаэлина, я же говорил, что ему нельзя пить.

Гофман. Нет, нет. Вино мне необходимо. В пламени пунша являются мне духи земли и огня.

Театр Гофмана. «Кубок»

Гофман. Когда-то этот кубок был полон светлого вина и стоял на дубовом столе в старом венецианском дворце... Кубок. Яд. Лавка старьевщика. (Михаэлине.) Что ты принесла? Что?! Что это?! Я знаю, что это! Я знаю! Знаю!

Михаэлина. О чём ты? Эрнст, о чём ты?..

Гофман. Я же сказал, что этот напиток мне необходим. Другого такого я не знаю... Я все ищу причины, но пока не нашел, как удастся тебе его приготовление. А может, у тебя есть какие-то тайные слова? Не скрывай их, Михаэлина, это опасно.

Михаэлина. Остановись, ради бога.

Гофман. Хорошо... впредь я стану смыть твоим магическим напитком каждое замечание, которое будет у меня на языке, но позволь мне делать столько гримас, сколько я захочу.

Михаэлина. В этом тебе никто не помешает. (Уходит.)

Гофман. Я сейчас засну, мне немножко жарко...

Доктор. Благодарение небу, вы теперь только немножко бледны, но пульс ваш бьётся спокойно. Само провидение привело меня в ваш дом во время этого опасного пароксизма.

Гофман. Спасибо, доктор. Знаете, куда бы я хотел попасть сейчас во сне? В Италию... В Италии теперь не то, совсем не то...

Доктор. Страна художников и злодеев.

Гофман. Да, да... Сказочная Италия... Леонардо... Борджиа... Монастырское вино, пролитое на скатерти. Красные липкие пятна... (Засыпает.)

В ДОМЕ ГОФМАНА

Михаэлина. У меня голова болит.

Доктор. Несколько минут на воздухе — и это пройдет.

Михаэлина. Колет, словно иглами. Два дня назад, увидев лилию, я упала в обморок. Милосердное небо, спаси меня от меня самой...

Доктор. Вы так бледны. Думаю, это от запаха моих лекарств и солей, к которым вы никак не можете привыкнуть.

Михаэлина. Вечером подошла к зеркалу и мне показалось, что оттуда смотрит мертвец.

Доктор. Это еще что такое! Из всего, что я вижу, регулярно бывая в вашем доме, и это не подлежит никакому сомнению, у вашего мужа самая нормальная болезнь, а не какие-то там таинственные приключения, как он сам считает. И это вполне естественный чистейший консонанс психического принципа в законе дуализма, уважаемая Михаэлина. Ваш муж не гном и не дух земли, но есть большая опасность, что он так и останется лунатиком, живущим в доме с призраками.

Михаэлина. Это невозможно, невозможно.

Доктор. Что невозможно?

Михаэлина. Не требуйте от меня никаких объяснений, я сама не знаю.

Доктор. Не переживайте. На этих руках должны виснуть веселые крепышки мальчишки, а к плечам прижиматься хорошенькая дочка. Вот и все. (Достает небольшое зеркальце.) Посмотрите на себя, Михаэлина. Скоро вы изменитесь, и я могу показать вам, как вы изменитесь. Нет, нет, по-

смотрите! У вашего рта складка. Ее нет, но вы можете ее увидеть. Эта морщинка у краешка глаз и вот здесь на лбу... Эта линия от уха к плечу — она совершенна, но в ней тоска. Как и в этой пряди волос — тоска...

Михаэлина. Это все на моем лице? Это неправда.

От одновременного движения Михаэлины и Доктора зеркало вдруг разламывается. Михаэлина в ужасе смотрит на осколки и потом спокойно отрезает острым куском прядь волос, о которой только что говорил Доктор.

Вот это я брошу сегодня в полночь с моста в Эльбу. На том месте, где стоит крест и где зимой река не замерзает. Там еще иногда бывает какой-то свет из-под воды.

Доктор. О Боже...

Михаэлина. Если будете проезжать в это время мимо по мосту, не вздумайте меня останавливать и кричать: «Эй, что вы там делаете?!»

Доктор. Вы... вы верите в заклинания?

Михаэлина. Я буду готовиться к завтрашнему событию. Весь город готовится к нему! Вы же видели этот конверт с вензелями?

Доктор. Я получил такой же. Подготовьтесь к завтрашнему событию. Думаю, это необходимо.

Михаэлина. Вы так думаете? Я хотела надеть свое платье цвета сливы.

Доктор. Ваш муж как-то рассказывал мне о нем.

Михаэлина. Да? Это его любимое платье. Я не надевала его уже очень давно. Не знаю, успею ли я подготовиться к утру.

Доктор. Успеете. Обязательно. Только не волнуйтесь. Юлия вам поможет.

Михаэлина. Юлия?

Доктор уходит.

Театр Гофмана. «Платье цвета сливы»

Постояв у ночного зеркала, Михаэлина поправляет спящего мужа, приносит еще несколько подушек и, уже отправляясь спать, слышит за спиной шорох. Постояв, она уходит и возвращается с мышеловкой, наклоняется, чтобы ее поставить, вдруг в ужасе отскакивает, увидя кого-то. Из темноты выходит Юлия. Михаэлина вскрикивает, но затихает, потом, словно очнувшись, подходит к большому старому шкафу и растворяет его дверцы.

Михаэлина. Это платье... всегда нагоняет на меня всякие глупые мысли. Даже когда оно висит в шкафу, а я простохожу мимо по комнате. Глупость какая-то! Но в этот раз я его надену. Надену и все. Оно должно быть впору. В талии я, пожалуй, все так же... а что касается длины...

Юлия. Сначала его нужно примерить.

Михаэлина. Прямо сейчас?

Юлия. Да, я помогу.

Михаэлина. Никогда. Нет, нет... (Смеется.) Ты знаешь, из-под этих украшений на меня смотрят какие-то маленькие духи и что-то шепчут, шепчут... только я, бестолковая, никак не могу их понять...

На пол падает толстая тетрадь.

(Открывает ее и сразу же откладывает в сторону.) Ой, это чей-то дневник.

Юлия. В этих кружевах скачут друг через друга маленькие голеные

эльфы и гномы в золотых латах, и... (Неожиданно укалывает палец.) Ай, здесь булавка!

Михаэлина. Постой, постой, в комнате должно быть светло. У меня есть свечи, которые остались от праздников Богородицы!

Юлия. Если бы сейчас кто-нибудь нас увидел!

Михаэлина. Только не закапай! Упаси Боже это платье!

Юлия. Упаси Боже! И воск со свечей... Кажется пятно...

Михаэлина. Надень лучше ты.

Юлия. Ты бредишь, разве я так же стройна... Возьми его и спрячь до завтра. Ай! И здесь булавка! Ай! Вот еще! Как странно.

Михаэлина. Это нам за наше глупое поведение досталось от платья. Очень мило, что ты вернулась помочь мне, когда муж заснул. Скоро нам уже нельзя будет так бесцеремонно видеться. Сядь напротив и расскажи... Нет, лучше молчи. Ты знаешь, я могу тебя уверить, что со своей стороны, если бы я действительно думала, что мы расстались, я не почувствовала бы от этого ни малейшего мучения. Если для вас были блаженными часами те, когда вы старались мне надоест, то не думаю, чтобы они теперь когда-нибудь вернулись... Но право же, многое мне нравится, вы часто были мне далеко не противны... Я охотно разрешу тебе и впредь с ним видеться.

Юлия. Разрешаете и впредь с ним видеться?

Михаэлина. Ничего странного. Сидите спокойно, моя милая. Может быть, в последний раз мы так близко друг от друга. А потом сядем все вместе за стол, чтобы хорошенко попотчевать больного...

Юлия. Почему вы так улыбаетесь?

Михаэлина. О какой улыбке ты говоришь?

Юлия. Вы разрешаете мне и впредь с ним видеться? Разрешаете и не боитесь?

Михаэлина. Боюсь.

Юлия. Вот уж упоительное любовное приключение, ведущее в царство самых смелых детских снов! Вы знаете, что говорят в городе о моих уроках с вашим мужем? Что говорят обо мне?

Михаэлина. Не знаю. И он не знает.

Юлия. А я знаю. Слышала. Я узнала много неожиданного. Особенно о себе. Хотя я, конечно, не в счет в вашем варианте троих за столом. Представляю — вы, ваш муж и я, его ученица! Как грациозно... Помните, вы как-то раз необычно называли его движущимся любовным приключением. Потом вы называли его ходячим романом, помните? Потом однажды, просто чудом и еще, не знаю, бог весь чем... но могу вас уверить, что кто-то называет еще большим чудом молоденькую девушку, которую благое небо одарило красивой фигурой и недурным лицом, а в особенности наделило той волшебной силой, с помощью которой девушка только и получает вид истинной девушки... Разве вы не знали этого, бедная моя фрау Гофман? Неужели мои слова повергают вас в такое отчаяние? Позабавьтесь лучше ими, я ведь только фантазирую. Он приближается, влекомый тоской и желанием, к этой чудной тайне, ты слышишь, как твои вздохи эхом отзываются в его груди, ты чувствуешь, как сладостно зовут они его... и вот, наконец, наступает момент высшего наслаждения! Знаете, в чем он, фрау Гофман? Это когда из юного благоухающего цветка вылезает то самое существо и внезапно жалит своим языком, как вот этой острой булавкой. Нет, как тысяча острых булавок! Мы встретимся завтра в замке Померсфельден? Я буду ждать.

Юлия смеется и исчезает.

В ДОМЕ ГОФМАНА

Гофман. Михаэлина!

Михаэлина подходит к Гофману, но он спит. Она закрывает шкаф и, взяв найденный дневник, уходит.

Театр Гофмана. «Ночное зеркало»

Гофман. Кто здесь? Это ты, Миша? Михаэлина!..

Кот. Между прочим, у вас опять завелись мыши. Надо бы мышеловку.

Гофман. Михаэлина!

Кот. Не надо, не зовите ее. Она и так замучена сегодняшним вечером.

Гофман. Кто вы?

Кот. Неужели не узнали?

Гофман. Должен сознаться, чувствую себя прескверно. Всю прошлую ночь не спал. В моей комнате что-то ужасно свистело и завывало.

Кот. Это был я. Я очень сильно хрюлю.

Гофман. Замолчи. Я узнал тебя. Зачем ты пришел?

Кот. Бывают же такие смешные люди, которые вдруг сразу, непонятно отчего, начинают страшно бояться кошек.

Гофман. Что тебе угодно?

Кот. Да ведь вы сегодня даже не брали в руки пера! А прошлой ночью, заметьте, именно под мой безобидный хрюк, вы, кажется, закончили еще одну новеллу.

Гофман. Какую новеллу?

Кот. О человеке по имени Эразм Спикхер! Который решился, быть может легкомысленно, я бы даже сказал, опрометчиво, отказаться от своего отражения.

Гофман. Эта новелла еще не закончена.

Кот. Согласен. Вы еще отражаетесь в зеркале. Все впереди. Но то, что вы написали, мне понравилось. Фантазия! Красочность! Звучность! Стиль!

Гофман. Я спешил, когда писал.

Кот. Куда?

Гофман. Не знаю. Неожиданно я сочинил сонату для клавикорда.

Кот. Слышал. Вы уже отдали ноты Юлии. Ах, писатель, писатель, сочиняющий сонаты! Вы очень бледны и даже похудели в лице. Ваша талантливая голова вся в огне. Может, это и хорошо, да уж не воспаление ли это мозга? Такое возможно? Позвольте...

Гофман. Что тебе нужно от меня? Что ты там царапаешь на моей голове? Я не болен. Я совершенно здоров. Сейчас встану. Убирайся вон!

Кот. Нет, я не уйду, когда ты в таком гневе! Не имею права.

Гофман. Шарлатан.

Кот. Хорошо сказано. Чудесно! Метко! Прекрасно! Нет, нет, такой талант! А тут еще вдруг такая любовь!

Гофман кидается на кота. Тела дерущихся отражаются в ночном зеркале, то погружаются в гладкую поверхность, то словно выныривают из нее.

Ну и дурак вы, Эрнст!.. Неблагодарный. Если мы разобьем зеркало, мы пропадем! Оба!

Гофман. Дайте свет! Кто-нибудь принесите свечи! Я видел... Там в зеркале! Ты видел? Там!..

Кот. О, Юлия — Джульетта! Вы так ее тоже иногда называли.

Гофман. Это ты подстроил?

Кот. Можно еще назвать ее Кэтхен, или Донной Анной, например.

Гофман. Я никогда ее не оставил. Ее любовь — та искра, что горит во мне, воспламеняя мою жизнь, мою поэзию! Без нее, без ее любви все мертвые, все безмолвны! Кто не знал любви, тот в глупости своей не знает, что такое жизнь и свобода.

Кот. Я сейчас заплачу или окаменею.

Музыка.

Гофман. Что означает эта музыка? Откуда она звучит? Или я пьян и это не моя комната?.. Вечером я заснул в своем кресле...

Кот. Вы правы, это ваша комната.

Гофман. Но эта музыка?..

Кот. Вы, должно быть, не знаете, а возможно, просто забыли, что здесь, за занавеской, есть потайная дверь, через которую коридорчиком можно пройти в номер двадцать три — в тайную ложу.

Гофман. Тайная ложа? Здесь? В моем доме?

Кот. Эта комната соединена с театром.

Гофман. Театр?!

Кот. Если вам угодно, сегодня представляют «Дон Жуана» знаменитого господина Моцарта из Вены. Плату за место, талер и восемь грошей, я, так и быть, возьму на себя.

Гофман. «Дон Жуан» Моцарта? Ах, мой дорогой друг, мой милый, единственный друг, не надо мне ни книжек, ни красок, пусть будет только музыка! Великая, таинственная музыка...

Кот. А мне, мне достаньте только шпагу! Только шпагу! Об остальном я позабочусь сам. Думаю, что идти нам придется далеко, но обещаю, очень недолго. Я еще сегодня не выспался.

Гофман. Как же мы войдем туда?

Кот. Нужно просто постучать.

Театр Гофмана. «Дон Жуан»

Взвивается занавеска. Одна за другой проносятся сцены волшебной оперы, открывая неведомый мир. За рампой, отделенные ею от Гофмана, живут там Дон Жуан, Лепорелло, Донна Анна... Неожиданно к Гофману подходит женщина, удивительно схожая с Донной Анной, поющей в это время на сцене.

Гофман. Каким чудом вы оказались здесь, рядом?.. Вы же сейчас там, на сцене...

Донна Анна. Есть в музыке великая тайна. Человеку не дано постичь ее. Ты ведь тоже знаешь это. Ты понимаешь меня, потому что ты живешь в чудесном, романтическом царстве, где нет слов, а есть только божественные звуки.

Гофман. Прекрасная, чудная, как могла ты меня понять?..

Донна Анна. Только поэт понимает поэта...

Ворвавшаяся музыка погасила свечи, и последнее, что видит Гофман на сцене, это Донна Анна в объятиях Дон Жуана.

Гофман. Донна Анна! Донна Анна!..

Где-то в городе часы медленно бьют два раза.

Донна Анна...

В ДОМЕ ГОФМАНА

Гофман. Ты тоже не спишь? Уже два часа.

Михаэлина. Не могу ли я попросить тебя удалить из нашей спальни твоего кота. Он не дает спать.

Гофман. Ты же всегда охотно терпела кошек. Особенно нашего любимца. Красивого и разумного.

Михаэлина. Да, красивый, разумный. Но все-таки сделай мне удовольствие, пойди и удали нашего любимца. Я хочу говорить с тобой о вещах, о которых он не должен слышать.

Гофман. Кто?

Михаэлина. Наш кот. Я прошу тебя, не спрашивай меня больше, делай то, о чем я прошу.

Гофман. Пожалуйста. Хотел бы я только знать, что за тайна, которая должна быть скрыта от моего честного кота. (*Уходит и возвращается с толстой тетрадью, которую нашла Михаэлина некоторое время назад.*) Что это?

Михаэлина. Тебя поражает почерк?

Гофман. Своеобразный.

Михаэлина. Я начала это читать, и каким-то непонятным образом пришла мне в голову странная мысль. Все это мог написать только наш кот. Хотя разум и известный жизненный опыт, который я приобрела живя с тобой и от которого мне уже никогда не отделяться, говорят мне, что мысль моя безумна, что кот не может ни писать, ни сочинять. Но кто же, если не кот?

Гофман. А что он там такое написал?

Михаэлина. Я прочту. (*Читает.*) «Кэтхен! Взволновала меня...», «Кэтхен! Возбужден до безумия!..», «Кэтхен! Только она воодушевляет меня!..», «Чувство к Кэтхен гораздо глубже, чем я представлял», «Маленький демон Кэтхен...», «Кэтхен!!» — два восклицательных знака, «Кэтхен!!!» — три, нет — четыре восклицательных знака, «Кэтхен!», «Кэтхен!», «Кэтхен», «Кэтхен»...

Гофман. Слушай и удивляйся. Как-то на днях, ранним вечером, я случайно поднялся на наш чердак. И в самом отдаленном углу увидел нашего кота. Он сидел за маленьким столиком с бумагами и письменными принадлежностями, сидел и тер себе то лоб, то затылок. Потом он сделал вот так лапкой, обмакнул перо в чернила и начал что-то писать. Причем я ясно слышал, как он мурлыкал и урчал при этом от удовольствия. Как видишь, твоя мысль совсем не безумна. Может, мне даже стоит написать об этом новеллу.

Михаэлина. Посмотри, все ли твои дневники на месте.

Гофман. Я могу не глядя сказать, одного из них не хватает.

Михаэлина. Где же он? У кота на чердаке?

Гофман. Нет, он у тебя в руках.

Михаэлина. Так что, выходит, это я писала, сидя на чердаке ранним вечером?

Гофман. Не пугай меня, Миша! Ты же сама сказала, что это был черт. Мне и без того страшно стоять рядом с тобой, когда ты такая.

Михаэлина. Зато я, пожив с тобой, уже не боюсь ничего.

Гофман. Милая Миша! Нет ничего скучнее, чем быть пригвожденным к земле и давать ответы на каждое слово... на каждый взгляд... Не хочу быть цветком, пусть лучше я буду жук золотой.

Михаэлина. О ком ты пишешь каждый день на каждой странице?
Гофман. Да, да, каждый день на каждой странице! Ей имя — Донна Анна! Небесный образ попал в мою душу и увлекает меня в туман.

Михаэлина. Туман у тебя в душе, Эрнст. Бойся его.

Гофман. Я бы хотел сейчас умереть. Но погребенные предки мои не поверят, что я умер, и пробудятся от смертного сна, и станут жуткими призраками, и изгонят меня. И я тогда перестал бы принадлежать к живым... И нигде не нашел бы приюта и скитания. Миша, ты плачешь? Я говорю Бог знает что.

Михаэлина. Я не слушала.

Гофман. Да, я говорю что-то не то. Ты думаешь — это все бред?

Михаэлина. Нет, это не бред. Может, это бред для тебя, но не для меня.

Михаэлина уходит. Из-за занавески выглядывает Кот.

Кот. Со мною самим было не лучше, когда я в прошлом году влюбился в одну кошечку египетской породы. Моя любимая, представляете, околела три месяца назад, подавившись сочной рыбьей костью. Что делать! Гроб ждет нас всех. Твоя рыбку любит?

Гофман. Мой неумолимый рок — я сам. Вот злой рок, вот тот туман, который губит меня.

Кот. Нелепая, нелепая игра в жизнь! Зачем ты увлекаешь нас в свои круги!

Гофман. Иногда мне кажется, что тело мое слишком слабо, чтобы принимать участие в страданиях моей души. Скоро я стану наносить визиты, оставляя мой организм дома.

Кот. Мы всегда пребываем в одиночестве с любимым существом.

Гофман. Слушай, мне нужна музыка... Божественный Моцарт... Скорее... Прямо сейчас!

Кот. Едва ли это возможно.

Гофман. Но я умоляю тебя...

Кот. Как раз, когда часы были два раза, совсем недавно, актриса, исполнявшая роль Донны Анны, неожиданно и необъяснимо умерла. Ровно в два часа. Совсем недавно.

Гофман. Умерла?

Пауза.

Где тот конверт, что вечером оставила Юлия? Когда доктор приходил! Я видел. Где он? Почему Михаэлина его спрятала? Где он, я спрашиваю?! Михаэлина!!

Кот. Главное — не волнуйся так. Свадьбы еще может и не случится. Гофман. Какой свадьбы?

Кот. Думаю, все может спасти неожиданное положение звезд, которое пока еще очень трудно разглядеть из-за этого тумана. Выйду на балкон. Посмотрю на звезды. Вдруг!..

Гофман. О какой свадьбе ты говоришь?

Кот. В любом случае, бояться вам нечего. Я тут, рядом.

Как только входит Михаэлина, Кот исчезает.

Гофман. Куда ты пропала?! Где конверт?

Михаэлина. Какой конверт?

Гофман. Почему ты не показала мне конверт, который оставила фрейлен Юлия?

Михаэлина. Из головы вылетело.
Гофман. Принеси.

Михаэлина. Мы приглашены завтра утром, нет — уже сегодня, в замок Померсфельден. Фрейлен Юлия выходит замуж за этого торговца луком из Гамбурга. Она оставила приглашение. Для тебя и для меня.

Гофман. Принеси.

Михаэлина берет лежащий на самом видном месте конверт и отдает его мужу. Гофман внимательно читает приглашение.

Театр Гофмана. «Ночное приключение»

Кот. Скорее, скорее... Туман — это то, что нам сейчас надо!

Гофман. Я упаду...

Кот. Я же сказал — я рядом. Вперед!

Гофман. Стой. Куда сегодня ведут эти улицы?

Кот. В туман сырого сада, где ты уже гулял вечером. Узнаешь железный мост через ручей?

Гофман. Обман так заманчив...

Кот. Смотри, смотри... Тише.

На железном мосту, сквозь ажурные перила мелькнула и скрылась в тумане Юлия.

Гофман. Где она?

Кот. Надеюсь, ты не собираешься прыгнуть?

Гофман. Думаешь, успеешь меня поймать?

Кот. Ах, сколько я их знал, которые кончили с собой, а потом ели, пили, веселились, даже не заметив роковой перемены. Смотри!

Гофман. Это была она!

Кот. Ты не туда смотришь. Видишь, куда показывает старый флюгер! Да, да, это окно торговца из Гамбурга, ее будущего мужа.

Гофман. А... (Стонет.) Все это глупости, мое дурацкое воображение!

Кот. Конечно, конечно, мы-то с вами знаем — все, что мы здесь делаем, не есть настоящая правда. Это театр!

Гофман. Да, да, это все только фантастическое каприччио, придуманное нами самими для себя самих. Я хочу остановить это представление!

Кот. Хватит стонать. Пора действовать!

Гофман впрыгивает через окно в дом жениха. Раздается чей-то пронзительный крик. Гофман высовывается в разбитое окно, в руках у него ночной золотой горшок.

Гофман. Мы ошиблись! С ним была не она!

Кот. Какая разница! Женится-то завтра он на ней! Ты все сделал как надо.

Вбегает Юлия.

Юлия. Где он??!

Кот. А вот и она! Тут как тут.

Кот и Гофман смеются.

Юлия. Вы его спрятали.

Кот и Гофман смеются.

Вы его украли?

Кот и Гофман смеются.

Вы его убили?

Гофман. Забирайте. Он ваш.

Золотой горшок летит к Юлии.

Кот. Если я не ошибаюсь, эти славные ножки принадлежат известному торговцу из Гамбурга. Жениху нашей невесты.

Юлия. Ради бога, что вы делаете там на дне?

Кот хватает торчащие из золотого горшка ножки и вытаскивает Жениха. Маленький человечек, похожий на сморщенное моченое яблоко насаженное на вилку, не подает никаких признаков жизни. Сразу же появляется Доктор.

Доктор. Что здесь произошло?

Кот. Ах, господин доктор, не пугайте меня! Я и так напуган сегодня. Думаю, что и вы заметили, как весь вечер около дома внизу что-то возилось, потом шумело вон там на балконе и еще где-то... У вас ведь тоже?

Доктор. Я хочу знать, что случилось здесь.

Кот. А тут еще этот туман над городом! Немудрено, что, испугавшись всего этого больше, потому что накануне свадебного обряда, больше, чем мы все, его превосходительство стали искать этот необходимейший соус... хотели... быть может, спрятаться... но!.. поскользнулись!.. в тумане!.. и... (Плачет.)

Доктор. Жених мертв. Перед самой свадьбой!

Кот. И невеста, невеста... (Плачет.)

Доктор. Итак, он умер из страха смерти.

Гофман. Но может, он умер из страха счастья? Ведь оно вот-вот должно было наступить. Не правда ли, дорогая Юлия?

Юлия. Это не он.

Доктор. Этот маленький человечек, лежащий перед вами мертвый, несомненно ваш жених.

Юлия. Я не узнаю его. Он никогда не был так красив.

Гофман. Если этот маленький превосходительный человечек действительно ваш жених, Юлия, то значит вы получите в наследство этот чудесный золотой сосуд, в котором он умер.

Доктор. Нет! Это навеки потеряно. Невеста так и не дождалась минуты унаследовать деньги и вещи.

Гофман. Если помните, Юлия, однажды на уроке я говорил, что вам не суждено быть богатой!

Юлия. Это значит... Это значит, что я не могу даже взять моего бедняжку в передник и унести домой? У нашего пастора так много красивых набитых опилками птиц и зверьков, он мог бы набить моего маленького жениха, а я бы поставила его в шкатулку, как он есть, в красном сюртуке с широкой лентой и большой звездой на груди, и было бы мне это на память.

Гофман. А можно просто стащить с него его идиотское одеяние, облепить золотой пылью и, посадив получившееся чучело в клетку, показывать за деньги на ярмарке.

Юлия. Если бы он не убеждал сегодня от меня в этот туман, а остался со мной, уж он не упал в эту проклятую золотую штукку. А тогда бы, если бы он был жив и мы бы стали когда-нибудь совсем бедны, я носила бы его в моей корзине, и люди бросали бы мне хорошие деньги. Тогда бы мы даже смогли сделать ему эту корзину из самых настоящих золотых прутьев. А

что теперь? Что же мне теперь будет оттого, что мой маленький жених достиг разных почестей и богатства. У меня ничего не осталось, кроме подаренных к свадьбе украшений!

Гофман. Но торговец подарил тебе целое состояние! Никогда я не видел на невесте таких необычно драгоценных подвесок!

Юлия. Да, да — мне только и осталось теперь жить тем, что продаивать этот крепкий янтарный лук! В этом теперь мое скучное пропитание!

Гофман. Лук!?

Юлия. Да, да, сладкий как мед! Вам не угодно?

Гофман. Дайте мне кто-нибудь карманный ножик.

Кот. Пожалуйста, только осторожнее, не порежьтесь, он очень острый.

Доктор. Может, лучше я?

Гофман. Зачем же! Я сам. (*Не вырывая луковицу из связки, чисто и ровно разрезал ее и немного попробовал, взяв Юлию за руку.*) Какой вкус! Кажется, сила, сладость, огонь! Мне кажется, я вижу рядом с собой покойного жениха, который кивает мне и шепчет: «Покупайте и кушайте лук, покупайте и кушайте лук, этого требует благо нашего государства!» Если бы я не был, Юлия, так взволнован всем, что сегодня случилось, я знал бы, что делать... и кушал бы, кушал, кушал этот сладкий как мед лук, и плакал, плакал...

В ДОМЕ ГОФМАНА

Михаэлина. Ты сжег приглашение.

Гофман. Все сгорит. Когда-нибудь сгорит театр, где будут играть мою музыку, где будут стоять на сцене нарисованные мною декорации, где будет придуманный мною спектакль. Все сгорит.

Михаэлина. Мы идем в замок Померсфельден на свадьбу Юлии?

Гофман. Во сне я или наяву? Ведьмы, волшебники, феи, должен ли я поверить невозможному? Я уже не стою на ногах. Я лечу, как бабочка на свечу, в этот проклятый замок... Я буду там министром, королем, императором, если не сойду с ума и голова моя не лопнет.

Михаэлина. Ты заметил, я надела твоё любимое платье?

Гофман. Тогда ты была в белом. Я заметил, с возрастом люди меняют цвета.

Театр Гофмана. «Свадьба в замке Померсфельден»

Большой общий танец.

Юлия (Михаэлине). Как идет вам этот цвет! Джузеппе Ромарио не нарисовал бы лучше.

Михаэлина (Юлии). Сама Медицейская Венера не сложена лучше!

Грепель (Юлии). Я счастлив! Пока шла наша свадьба, из Голландии пришла партия сказочного лука. По невероятной цене! Его можно здесь продать... давайте помножим... разделим на города... Я счастлив! И лук, и свадьба!..

Танец Юлии и Гофмана.

Юлия. Зачем вы избегаете меня сегодня? Разве вы не узнаете во мне вашу жизнь и вашу надежду?

Гофман. Я, право, не знаю, кто вы, прекрасная дама, или, вернее, я не умею угадывать это, так как слишком часто впадаю в самое жалкое заблуждение. Мои мечты превращаются в чернильные буквы, живые комедианты в моем театре превращаются в картонные фигуры, принцессы превращаются на моих глазах в торговок овощами. Поэтому я решил не терпеть далее иллюзий и фантазий, а бежалостно уничтожать их там, где я их встречу.

Юлия. Так начните с себя самого. Потому что сами вы, достойный учитель, не что иное, как иллюзия.

Гофман. Сияйте на меня вашим свадебным бриллиантом, вейте навстречу мне перьями, взятыми у пестрой птицы, я устою перед всем. Я знаю, что моя принцесса продаётся сегодня жалкому торгашу.

Юлия. Если вы смеете говорить со мной таким тоном, то я скажу вам, что вы хотите быть грустным принцем, сотканным из тумана, но этот молодой парень достойнее вас, хоть он и торгаши, которого вы называли жалкими. Вы воображаете себя сотканным из туманов, достойный учитель, но туман рассеивается и остается пустота.

Гофман. Туман не рассеется никогда. Ты и я будем неразделимы вечно.

Греппель. Куда запропастилась моя жена?

Юлия. Мой муж меня ищет... Вы были очень забавны, милый учитель, в том же духе, как прежде. Только два слова на прощанье... Будьте осторожней насчет вина.

Михаэлина. Прошу тебя... Эрнст...

Гофман. Ты заметила, какой здесь холод?

Михаэлина. Ты болен.

Гофман. Я здоров. Я никогда не был так здоров. Здоровый человек — это скучно... Ступай же, ступай отсюда... Иди, или.

Михаэлина послушно уходит.

Театр Гофмана. «Свадебная ночь»

В спальне новобрачных качается занавеска. Гофман влезает в окно и медленно отодвигает ее. Он видит, как Юлия снимает свой свадебный убор и остается в ночной одежде. Гофман опускается на колени, касается свадебного платья и ложится на пол, нежно обнимая белую материю... Боль скручивает лежащего, и он замирает, тихо постанывая...

Юлия. Как, это ты? Ты здесь, мой верный пес? Ступай же, ступай отсюда... Иди, иди...

Гофман незаметно залезает под кровать новобрачных. Юлия не видит этого, потому что смотрит на входящего Греппеля в домашнем халате.

Греппель. Разве я пьян, милочка. Не сердись... не сердись... от счастья... свадьба!.. лук!.. Иди сюда... Иди, милочка...

Греппель сбросил с себя халат, поднял Юлию на руки, но потерял равновесие и ушиб голову Юлии так, что та закричала. Беспорядочно перемещаясь, Греппель упал, наконец, вместе с женой на кровать. Юлия мучительно стонет. Гофман, не выдерживая, высекает из-под кровати и, словно пес, вцепляется в ляжку жениха, тащит его по полу, терзая при этом так, что тот весь покрывается кровью. Жених стонет под его зубами и ногами, а Юлия бросает в извивающегося учителя все, что попадает под руку.

Откуда в доме бешеная собака?! Кто впустил ее?! Ты?! Ты?! Зачем?.. Помогите!

Гофман пытается вцепиться Греппелю в горло и загрызть его, бешено рыча при этом. У Юлии откуда-то появляется ружье, и она стреляет в Гофмана. Гофман выпрыгивает в окно. Окровавленный Греппель выхватывает у Юлии ружье и сам стреляет вслед прыгнувшему... Визг и лай собаки. Звон и треск разбитых стекол. Хлопанье окон. Крики людей.

Кот. Брависсимо, милейший! Ах, сеньор Гофман, теперь вы уже готовы закончить историю о пропавшем отражении, не правда ли?

Гофман. Куда сейчас ведут эти улицы?

Кот. В Италию.

Гофман. В Италию?!

Кот. Да, да, в страну художников и злодеев.

Гофман. В страну любви.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ТЕАТР ГОФМАНА

«История о пропавшем отражении»

Рассказчик. Наконец, дело дошло до того, что Эразм Спикхер смог исполнить желание, которое всю жизнь лелеял в душе. С веселым сердцем и туго набитым кошельком сел он в экипаж и отправился в прекрасную теплую Италию. «Прощай, мой милый! — рыдала сказала его добрая жена, проливая слезы. — Я сберегу тебе твой дом, думай только побольше обо мне, останься мне верен и не потеряй свою прекрасную дорожную ермолку, если начнешь кивать во сне, как часто бывает с тобой во время пути». Эразм обещал это. В прекрасной Флоренции нашел Эразм друзей, которые, полные жизни и юношеского пыла, предавались удовольствиям волшебной страны любви. Пели птицы, неслись ароматы апельсиновых и жасминовых деревьев, тихо нашептывали свои мелодии мандолины.

Друг. Берегитесь, холодный Эразм! Ты еще не узнал нашей Джульетты. Эразм. О, таинственная страна!..

Друг. Где можно найти небесную радость, как не с вами, прекрасные, дивные женщины! Не правда ли, Эразм?.. Вы — сама любовь! Или ты, Эразм, не чувствуешь этого? Ты мрачен и молчалив...

Эразм. Ты ведь знаешь, что я оставил дома мою милую и добрую жену, которую люблю и которой я бы изменил, если ради пустой забавы хотя бы на один вечер избрал себе кого-то...

Друг. Тебя спасает в наших глазах только то, что ты так отважно пьешь и поешь веселые песни.

Рассказчик. В самый разгар веселья из густой темноты листвы появилась женщина, словно сошедшая с полотен Рембрандта. Она легко и свободно скользила в хороводе любовных игр.

Джульетта. Где же вы так долго были? Неужели даже не вспомнили обо мне?

Среди стаканов с густо-красным вином странно сверкал отшлифованный высокий бокал, полный того же напитка. Обойдя всех, Джульетта взяла его с подноса и протянула Эразму.

Так ли охотно, как прежде, возьмешь ты бокал из моих рук?

Друг. Не пей! Посмотри на нее!.. Разве не ее ты видел на предостерегающих рисунках Брейгеля?

Джульетта. Чего же ты боишься? Ведь я все равно совершенно завладела тобой и твоим воображением.

Друг. Не пей, послушайся меня, не пей...

Эразм выпивает.

Джульетта. Отчего же ты не хотел пить? Чистое пламя, что сияло со дна бокала, было лишь тем поцелуем, что я тебе подарила!

Рассказчик. Крепче обнимали юноши своих дев, ярче сверкали их глаза, все смелее становились вольные игры в стране любви. Но Джульетта вдруг исчезла, и только видно было, как слуги несли два факела, провожая ее через ночной сад. Расстроенный, с душой, терзаемой тоской и мукой, пошел Эразм на отдаленную улицу, чтобы никто не увидел его печали. Заря была уже высоко, когда сквозь черные ветки померещился ему образ его добной жены, он бросился к ней, но из утреннего тумана шагнула к нему незнакомая фигура в огненном красном кафтане со сверкающими, словно искры, стальными пуговицами.

Да пертуртто. Спешите, спешите, Джульетта ждет вас!

Друг. Знаешь ли ты, что завязал очень опасное знакомство? Прекрасная Джульетта одна из самых хитрых куртизанок на свете! Про нее ходят много таинственных и странных историй. Я по тебе вижу, как она действует на людей! Как она опутывает тебя!

Эразм. Ты прав. Я сам не знаю, что за мрачные предчувствия на меня напали...

Друг. Уедем скорее отсюда.

Эразм. Да, да, я должен уехать сегодня же!

Да пертуртто. Но Джульетта ждет вас! Ждет с сердцем, полным тоски, и глазами, полными слез!

Друг. Нам надо спешить, Эразм!

Джульетта появилась неожиданно и близко.

Джульетта. Где же вы так долго были?

Да пертуртто. Я же говорил вам — нас ждут!

Джульетта. Неужели не вспомнили обо мне?

Друг. Этот молодец часто ходит к ней. Я знаю... Он продает ей какие-то тайные ядовитые эссенции...

Эразм. Как? Этот шарлатан ходит к ней?!

Друг. Так говорят.

Джульетта. Что с тобой?! Ну, что с тобой?.. Разве ты не совсем еще мой?

Джульетта поцеловала Эразма долгим бесконечным поцелуем, и Эразм упал на колени.

Эразм. Я не оставлю тебя... Я видел тебя в моих снах! Да, это ты! Мое счастье, блаженство, моя жизнь! Ты горишь во мне пожирающим пламенем... Я вечно люблю тебя!

Да пертуртто. Смотри, смотри, как хороша сегодня Джульетта!

Друг. Эразм, ты погибнешь!

Эразм. Оставь меня.

Друг. Ты хотел ехать!

Да пертуртто. Оставьте его, а не то он бросит вас в пруд и вы сможете тогда до самой смерти упражняться в плавании.

Рассказчик. Эразму показалось, что в ночном воздухе сверкнул нож. Он в ярости схватил своего друга за горло и бросил на землю. Один сильный удар ноги в затылок, и тот, хрюкая, испустил дух. У Эразма потемнело в глазах, он почувствовал, как его схватили и рвут на части, когда же он очнулся...

Джульетта. Злой, какой ты у меня злой... Как ужасно ты меня напугал... Но как хорошо был этот удар ногой! Теперь же ты должен уехать из Италии. Тебя будет искать наша милая полиция! Ах, Эразм, спасая себя, ты должен оставить ту, которая тебя так любит.

Эразм. Позволь мне остаться... Пусть лучше я умру! Разве жить без тебя не значит умереть...

Джульетта. Ты, верно, думаешь о своей доброй жене? Эразм, ты скоро меня забудешь.

Эразм. Нет, нет! О, если бы я мог навсегда и навеки оставаться твоим. Они вдруг оказались против большого прекрасного зеркала, по обеим сторонам которого горят яркие свечи.

Джульетта. Оставь мне это, любимый.

Эразм. Это зеркало?

Джульетта. Нет, оставь мне твое отражение на нем.

Эразм. Джульетта, что ты говоришь?..

Джульетта. Оно должно быть моим и тогда навеки останется у меня.

Эразм. Мое отражение?

Джульетта. Да, любимый.

Эразм. Как я могу отдать тебе мое отражение, когда оно всюду за мной следует и смотрит на меня из всякой воды и со всякой гладкой поверхности?

Джульетта. Ты не хочешь отдать мне даже твоего подобия, отсвечающего в зеркале? Ты, который хотел отдать мне всю свою жизнь и свое тело? Даже неверный твой образ не хочет со мной оставаться и странствовать через бедную мою жизнь, которая будет теперь без любви и без радости, раз ты меня покидаешь, спасая себя.

Эразм. Неужели я должен тебя покинуть? Если это так, то пусть, пусть мое отражение останется у тебя навсегда и навеки! Никогда, никакая сила, даже сам дьявол не сможет отнять его у тебя!

Рассказчик. Едва Эразм сказал это, как на устах его загорелись бешеные поцелуи Джульетты, потом она оставила его и, полная тоски, протянула руки к зеркалу. Эразм увидел, как его образ отделился от его движений, как он устремился в объятия Джульетты, а потом пропал в бездонной зеркальной глубине... корчась от страха, упал он на пол, в полной темноте пополз к двери, кто-то поднял его и понес куда-то...

Джульетта. Брависсимо, милейший. Теперь вы можете лететь через леса, долины, деревни и города, до тех пор, пока не найдете вашу добрую жену! Ей вы будете принадлежать телесно, а у меня вечно будет только ваше мерцающее отражение...

Рассказчик. Когда Эразм приехал домой, его радостно встретила жена с маленьким сыном. И уже скоро ему показалось, что в мирной домашней жизни можно забыть о своей потере. Однажды без всякого опасения усился он за общий стол в городском трактире, не заметив, что напротив прекрасное светлое зеркало, но через некоторое время вокруг него началось шептанье, бормотанье, все смотрели то на Эразма, то на зеркало.

Вдруг какой-то серьезный человек подвел Эразма к зеркалу и, посмотрев туда, громко воскликнул: «У него нет отражения!» — «Нет! Нет! У него нет отражения!» — закричали все разом. «Вытолкайте его за дверь!» Полный ярости и стыда, бежал Эразм, преследуемый толпой и уличными мальчишками, которые кричали ему вслед: «Вот идет тот, кто продал черту свое отражение! Вот он идет! Смотрите! Смотрите!» Тут же ему было объявлено в полиции, что он должен в течение часа явиться перед всеми со своим полным сходным отражением или оставить город. Вечером, глядя на него со страхом и удивлением, подошла к нему его добрая жена. «Что это рассказывают про тебя?» Эразм перебил ее: «Что у меня нет отражения?» — и с натянутой улыбкой он постарался ее уверить, что можно вообще потерять свое отражение. Вообще же говоря, это небольшая потеря, потому что всякое отражение есть иллюзия, а самосозерцание ведет к тщеславию, кроме того, подобное отражение разделяет наше «я» на сон и реальность. Пока он это говорил, жена быстро сдернула покров с завешенного им зеркала, висевшего у него в комнате, и упала на пол, словно пораженная громом. Эразм поднял ее, но едва к ней вернулось сознание, она с отвращением оттолкнула его. «Оставь меня, оставь, страшный человек! Это не ты, не муж мой! Ты адский дух, который хочет сгубить меня и лишить спасения души! Прочь, оставь меня! Ты не имеешь над мной власти, проклятий!» Вся прислуга в ужасе сбежалась на этот крик. Эразм в ярости и отчаянии выскочил из дома.

Эразм. Как же я найду ту, которая для меня навек утрачена?!

Дартутт. Которую из двух ты имеешь в виду?

Эразм. Она отреклась от меня! Она, для кого я пожертвовал тобою, Джульетта! Не мстишь ли ты мне, Джульетта! Тебе, и только тебе я хочу отдать свою душу, свое тело, свою жизнь! Я хочу быть только твоим, Джульетта!

Дартутт. Это вполне возможно. Она совсем недалеко отсюда и, измученная, стремится к вам, так как отражение, которое вы ей оставили, по вашим же словам, есть не более как жалкая иллюзия.

Эразм. Веди меня к ней! Веди же! Где она?

Дартутт. Прежде надо сделать одну маленькую вещицу. Вы ведь еще связаны известными узами, которые должны быть разорваны. Ваша жена и подающий надежды сынок...

Эразм. Что... Что такое?..

Дартутт. Полный разрыв может быть достигнут одним простым человеческим средством. Оно у меня под рукой. Это лекарство. Достаточно две капли дать тем, кто стоит поперек дороги у вас и Джульетты, и они упадут без всякого звука, не сделав ни одного болезненного движения. Это называется умереть. И смерть, должно быть, горька, но разве вкус горького миндаля не приятен? Ведь только такую горечь и имеет смерть из этого пузырька. Сразу же после легкого падения от вашего достойного семейства распространится приятный запах горького миндаля. Вот, возьмите.

Эразм. Я должен отравить мою жену и дитя?

Дартутт. Кто говорит об отраве? В этом пузырьке вкусное домашнее снадобье. Есть и другие средства, чтобы получить вашу свободу, но это действует так естественно, так человечно, что мне оно особенно по сердцу. Возьмите же его и будьте спокойны.

Эразм. Джульетта, Джульетта... Только бы раз увидеть тебя... Джульетта, я люблю тебя! Я схожу с ума без тебя!

Джульетта. Я здесь, с тобою, мой милый. Но разве ты еще не понял? Разве тебе еще не сказали?

Эразм. Ради Бога, Джульетта! Ради Бога... Я все понял... Мне все сказали...

Джульетта. Да?

Эразм. Джульетта, если только так я смогу быть твоим, то лучше мне умереть самому.

Джульетта. Нет! Нет! Не говори таких слов!

Эразм. Я люблю тебя!

Джульетта. Хочешь другое, лучшее средство?

Эразм. Да, да, скорее! Я все сделаю... Люблю тебя...

Джульетта. Ты напишешь свое имя под словами: «Даю моему новому другу власть над моей женой и ребенком, чтобы он делал с ними все, что захочет, и за это развязал узы, которые связывают меня». Потому что впредь я хочу принадлежать и телом и бессмертной душой Джульетте, которую избрал в жены и с которой хочу навеки связать себя».

Рассказчик. Огненные поцелуи горели на устах Эразма, когда за Джульеттой вырос гигант — он протянул железное перо. В ту же минуту на левой руке Эразма лопнула жила и из нее брызнула кровь. «Обмакни перо, обмакни! Пиши свое имя!» — закаркал красный гигант. «Пиши, пиши, мой единственный, мой навеки любимый», — шептала Джульетта. Эразм намочил перо своею кровью и уже хотел подписать, но тут явилась белая фигура, которая, как призрак, устремила на него неподвижный взор и глухо и горестно воскликнула: «Эразм! Что ты делаешь?! Именем Спасителя заклинаю тебя, оставь это страшное перо!» Эразм узнал свою жену и далеко отбросил окровавленное перо. Из глаз Джульетты посыпались искры и молнии, лицо ее страшно искривилось, тело превратилось в пламень. «Оставь меня, адское отродье! Во имя Спасителя отойди от меня, змея! Ты пылаешь адским огнем! Тебе не должна принадлежать моя душа!» — так крикнул Эразм и сильной рукой оттолкнул Джульетту, которая все еще обивала его. Что-то завыло, завизжало нестройными голосами, по комнате зашумели черные крылья и все исчезло в густом дыму, который, повалил из стен, задувая свечи.

Жена. Муж мой, я жалею тебя от всего сердца... Я знаю все, что случилось с тобой, мой любимый, мой добрый... Посмотрись в зеркало. Это даже хорошо, что оно не отражает твоего лица, у тебя сейчас очень глупый вид, мой милый. Ты и сам заметил, что стал без отражения предметом насмешек для людей. Наш сынок скоро нарисует тебе углем усы, потому что знает, что ты этого можешь и не заметить... Постранствуй-ка по свету, добрый мой муж, и попробуй при случае отнять у черта твоё отражение. Если ты его получишь, то будешь для меня снова желанным гостем. Поцелуй меня... а теперь счастливого пути. Посытай сыну время от времени пару штанишек, а то он ползает на коленках и ему нужно их очень много. Если будешь проходить через город Ниорнберг, прибавь к этому пряник, как подобает добromу отцу. Прощай же, милый Эразм.

Рассказчик. Жена Эразма повернулась на своей постели на другой бок и заснула.

В ДОМЕ ГОФМАНА

Михаэлина. Эрнст, ты спиши?
Гофман. Нет.

Михаэлина. Тебе больно?

Гофман. Нет.

Михаэлина. Потерпи. Скоро доктор придет.

Гофман. Он не придет.

Михаэлина. Почему? Уже скоро девять часов.

Гофман. Мы говорили с ним о завтра.

Михаэлина. Слушай, я приготовила свои картофельные примочки. Они всегда тебе помогали. Сделать сейчас?

Гофман. Нет.

Михаэлина. Свежий картофель. Только что протертый. Я приложу, и ты сможешь двигаться без боли.

Гофман. Если больно — это хорошо, значит еще чувствуешь. Ты знаешь, что я сейчас вспоминал? Это было много лет назад. Свадьба. Не наша, но нас пригласили. Замок. Свечи. Тысяча свечей! Толпа модного народа. Ты в том платье цвета сливы... Швейцар в белых чулках при входе просит показать приглашение. Я ишу и не могу найти, а ты вдруг куда-то исчезла... Приглашения точно нет! Где оно? Тогда проклятый швейцар отворяет какую-то заслонку и говорит с убийственной учтивостью: «Не угодно ли вам в печку? А там пройдете дальше». И я, представляешь, шагну...

Михаэлина. Ты хочешь, чтоб я это записала?

Гофман. Это? Думаю, не стоит. Как ты можешь находиться со мной днем и ночью столько лет?

Михаэлина. Я обладаю прекрасной способностью совершать необыкновенные вещи.

Гофман. Без тебя этот советник юстиции не стал бы Гофманом. К нам кто-то поднимается.

Михаэлина направляется к двери.

Стой! Ты куда?

Михаэлина. Отпереть. Думаю, это доктор.

Гофман. Это не доктор.

Пауза.

Михаэлина. Может, не будем никого пускать? Ты совсем плох сегодня.

Гофман. Совсем плох? Впусти. Я знаю, кто это.

Михаэлина. Кто?

Гофман. Это она.

Михаэлина уходит и возвращается.

Михаэлина. Там никого нет. Флюгера скрипят, и ты решил, что это шаги по лестнице.

Гофман. Флюгера? Может, и флюгера... а может, это время со скрипом двигает свое вечное колесо?.. Послушай, правда похоже?.. И каждую полночь еще один прожитый людьми день, как великая тяжесть рушится в черную бездну... Михаэлина, дай мне... На полке с нотами стоит клавир «Дон Жуана» Моцарта. Такой толстый, в малиновом переплете. Ария Донны Анны заложена в нем запечатанным конвертом. Пойди возьми этот конверт и принеси. Миша! Нет, ничего, иди...

Михаэлина (приносит конверт). Как ты?

Гофман. Распечатай и читай. Это я написал нашему другу, кажет-

ся, года два назад, но не отправил. Прочти вслух. Начни со второй страницы — до этого всякие пустяки, всякие гримасы.

Михаэлина. Ты настаиваешь?

Гофман. Ты знаешь, если я не ошибаюсь, то ведь мы уже жили с тобой лет двести тому назад на острове Цейлон. И были счастливы. Помнишь? Ну, читай, читай... Может, сначала сделаешь горячего пуншу? Да, да, мне нельзя. Я согласен. Слушай, налей в мой бокал просто чистой воды! Читай. Со второй страницы.

Михаэлина. «Помните, как блистательно выразилась мадам де Сталь, — лучшая часть таланта складывается из воспоминаний». А кто это мадам де Сталь?

Гофман. Нет, нет, не то. Еще дальше.

Михаэлина. «Горечь жизни, сожаление об утраченной юности, все это за прошедшие годы жестоко изменило душу Юлии. Она перестала быть мягкой, нежной, детски беззаботной...» (Замолкает.)

Гофман. Прости.

Михаэлина складывает письмо.

Что ты делаешь? Ты же не дочитала! Нет. Нет. Нет. Обязательно прочти. Ты должна. Когда ты последний раз выводила меня посидеть на наш балкон, внизу на площади славная девочка попросила торговку продать ей яблоко. И в блаженстве неведения протянула свои грошики. Их явно не хватило. Деньги были отброшены с криком, что на них никто ничего не продаст. Малышка заплакала. Я не выдержал и бросил вниз свой кошелек. Старуха быстро взяла деньги, дала ребенку несколько великолепных яблок. Ты представить не можешь этой смены великого горечения и огромной радости. Но я никак не могу избавиться... С того самого дня...

Михаэлина. Что тебя мучит?

Гофман. А вдруг из-за этих яблок ребенок заболеет дизентерией, и радость, которую я ему доставил, станет причиной его смерти.

Михаэлина. Смерти?..

Гофман. Ну читай, читай, что же ты не читаешь?

Михаэлина. Где я остановилась... Ах, вот. «Если сочтете возможным и удобным, просто произнесите мое имя в семье Юлии. Хорошо, если в эту минуту в комнату проглянет веселый луч солнца и вы тихо скажете Юлии, что воспоминание о ней живо во мне. Но можно ли назвать простым воспоминанием то, чем переполнена душа, то, что приносит прекрасные мечты об упоении, о радости, которую наши руки из плоти и крови не в силах схватить и удержать?.. Скажите ей, что небесный образ ее доброты, ее ангельской и нежной грации, ее детской чистоты, сиявший моим взорам в адской тьме нашего злосчастного времени, не покинет меня до последнего моего дыхания. И что тогда, тогда, наконец, моя освобожденная от всего земного душа узрит в его подлинной природе существо, которое было ее желанием, ее надеждой, ее утешением...»

Гофман. Михаэлина!

Михаэлина. Да, Эрнст.

Гофман. Подойди. Ближе.

Пауза.

Я похож на детей, родившихся в воскресенье.

Михаэлина. Что ты хочешь сказать?

Гофман. Они видят вещи, невидимые другим.

Стук в дверь.

Михаэлина. Сейчас я узнаю... Не беспокойся...

Гофман остается один в комнате. Долгая пауза. Входят Девочка и Михаэлина.

Гофман. Ты кто?

Михаэлина. Она живет в доме напротив.

Девочка. Тот, который с каменными дельфинами на крыше.

Гофман. Знаю. Красивый дом. Я люблю разглядывать этих дельфинов. А тебе они нравятся?

Девочка. Да, очень.

Михаэлина. Оказывается, она наблюдает за тобой целыми днями из своего окна.

Гофман. Вот как? Я разглядываю каменных дельфинов, а она меня! Забавно.

Михаэлина. Нет. Мама велела ей пойти и извиниться перед тобой за это.

Девочка. Я рисовала вас.

Гофман. Ты умеешь рисовать... Замечательно.

Михаэлина. Представь, она пытается нарисовать твой портрет.

Гофман. Ты думаешь, это возможно?

Михаэлина. Я сказала ей в дверях, что передам извинения, но она упросила пустить ее к тебе ровно на три минуты. Оставляю вас на этот срок. Заодно принесу бульон, ты ничего не ел. (*Уходит.*)

Гофман. Как тебя зовут?

Девочка. Луиза.

Гофман. Луиза...

Девочка. Простите меня, пожалуйста. Я больше не буду смотреть на вас из окна. Все равно у меня портрет не получится.

Гофман. Почему?

Девочка. Вы такой трудный. Все время разный.

Гофман. Где рисунок? Покажи.

Девочка. Пожалуйста, посмотрите и скажите сами, на каком из портретов вы больше всего вы.

Гофман. Так их много!?

Девочка. Да. (*Достает рисунки и показывает их Гофману.*)

Гофман. Ой, действительно, много!.. Вот этот точно — я. (*Хохочет.*) И это я. А ну-ка переверни... Мне кажется, так я даже еще будущий похож. Да? А этот? Надо же!.. Очень похож. (*Смеется.*) И этот! И этот тоже! Слушай, скажу тебе по секрету, я и сам не знаю, где я больше я. (*Продолжает рассматривать портреты и смеется все больше и больше.*)

Занавес

1991

Путешествие в разные стороны

Автобиографическая
проза